

Елена Михеева

ZERO BOOK

Двое из
ANIMAL ДЖАЗ

—
от первых детских воспоминаний
до создания **ZERO PEOPLE**

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)-8
М69

В книге и на обложке использованы фотографии
Анны Ульяновой, Алены Лазарь
и из личного архива авторов.

Автор текста — *Елена Михеева*

Отдельная благодарность *Лане Заранкиной*
за помощь в подготовке книги.

Михеева, Елена Валерьевна.

М69

Zero book. Двое из Animal ДжаZ — от первых детских воспоминаний до создания Zero People / Елена Михеева. — Москва : Эксмо, 2024. — 208 с. : ил. — (Герои поколения: истории звезд русского рока).

ISBN 978-5-04-185732-5

Александр Красовицкий и Александр Заранкин проходятся по своим жизням от ранних воспоминаний до момента первого совместного выступления. Это самое глубокое публичное погружение в детство, в котором переплетаются максимально значимые и просто забавные эпизоды биографий, впервые публикуются фотографии из семейных альбомов. Рассказ всегда идёт от первого лица, но не всегда следует стройной хронологии — это больше дружеский разговор, чем летопись. Здесь же своими историями делятся и ближайшие родственники ребят, не только наблюдавшие за процессом их взросления, но и бывшие его непосредственными участниками.

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)-8

ISBN 978-5-04-185732-5

© А. Заранкин, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Содержание

ОТ АВТОРА	5
-----------	---

ДО ZERO PEOPLE

САША КРАСОВИЦКИЙ	9
МАМА АЛЕКСАНДРА КРАСОВИЦКОГО	71
САША ЗАРАНКИН	82
МАМА АЛЕКСАНДРА ЗАРАНКИНА	128

ВНУТРИ ZERO PEOPLE

ЛОВЕЦ ТИШИНЫ	135
ДЖЕДАЙ	149
ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ	159
КРАСОТА	167
КОНЕЦ РАВНОВЕСИЯ	183
THE BEST	203
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	207

ОТ АВТОРА

Начать с начала — самый, казалось бы, простой и очевидный ход. Особенно когда речь идёт о группе с названием Zero People, где и так в основе всего лежит ноль. Но даже тут есть выбор, на какое именно зеро делать ставку. Мы, подумав, решили взять за точку отсчёта не жаркое лето 2010-го, когда стали появляться первые песни, а персональные истории двух творческих единиц, каждая из которых начинала со своего уникального нуля.

Что в «дано»? Мальчишки, родившиеся с разницей в пятнадцать лет в Магнитогорске и Москве. Почти всё детство и юность одного прошли в Магадане и посёлке, расположенном в получасе езды от него, другого — в столице и на подмосковной даче. Это два совсем-совсем разных старта биографий — от вовлечённости отцов в воспитание сыновей до путей, приведших каждого из Александров на сцену, которую они теперь делят ровно пополам.

Наверное, каждый, кто вырос в доцифровую эпоху, понимает, что такое зарытые в землю «секретики». Так вот, всю первую половину книги мы с ребятами как будто находим те сокровища, что они когда-то закопали, и с трепетом заглядываем под разноцветные стёклышки. Видим там гусиные перья, человечков, сделанных из стирательных резинок, бадминтонные воланчики, шайбы от настольного хоккея... А ещё под слоем лет спрятаны слёзы и трясущиеся коленки, провалы и триумфы, маленькие радости и большие обиды. Их нельзя потрогать руками, но так легко почувствовать. Проследить, как какие-то из воспоминаний всё ещё греют и подпитывают, в то время как другие — и по сей день тяжёлая ноша. Увидеть, как в любом из них может прятаться вдохновение...

Вторая половина книги — уже о совместном творчестве. В каком-то смысле создание сайд-проекта тоже было возвращением в детство, но уже в музыкальное. Несмотря на внушительный опыт сочинительства в рамках Animal ДжаZ, в Zero People ребята учились придумывать песни по-другому и заново. И спираль жизни тут как будто действительно пошла на новый виток. Когда-то маленькому Саше Заранкину занятия музыкой не доставляли никакого удовольствия и регулярно сопровождались слезами. Для

успевшего повзрослеть клавишника первые годы существования Zero People внезапно обернулись примерно тем же. Из-за огромного количества электроники, совладать с которой было не так-то просто, он снова страдал и даже плакал, только уже на репетиционной точке и наедине с собой. Настоящее удовольствие от создаваемой музыки оба участника коллектива начали получать лишь тогда, когда сами же приняли решение, что звучать должны только клавиши и голос.

Мы собрали под этим переплётom истории всех песен и альбомов, вышедших за первое десятилетие существования Zero People. Какие-то из них были многократно рассказаны публично, в том числе и со сцены, какие-то — не звучали никогда и нигде и станут откровением даже для самых близких.

ДО ZERO PEOPLE

Главные герои предстают перед нами уязвимыми мальчишками, которым только предстоит набить свои первые шишки в этой жизни. Один в пять лет ловит в речке рыбу голыми руками, другой — уже сочиняет музыку для балета. И ещё много-много всего успеет произойти до того, как они встретятся и напишут вместе первую песню...

Саша Красовицкий

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СТРЕСС

Мы жили под Магаданом, отец был главным редактором газеты — элита посёлка. Естественно, имел доступ куда угодно. И вот однажды, когда мне было лет шесть, он зачем-то взял меня с собой на рыболовецкий траулер, и это был самый главный стресс в моей жизни.

Наш посёлок назывался Ола, что, по одной из версий, как раз и означает «рыба» по-чукотски. Одноимённая река впадает там в Охотское море, и главная промышленная история тех мест — рыбозавод. Отец, видимо, хотел какой-то репортаж сделать о жизни рыбаков. Я же представлял себе, что увижу какую-то баржу. А там была лодка размером с комнату — как будто увеличенная шлюпка, но с мотором. На меня только сапоги надели резиновые. Жилеты — такого понятия не было. Когда плыли, было весело — кругом вода.

Самое интересное началось, когда мы прибыли к нужному месту. Четверо или пятеро мужиков встали на один край этой большой лодки и по такой зычной команде начали тащить все вместе тяжёлые рыболовецкие сети. При этом лодка сильно накренилась, а я сидел сзади, где мотор, один. Отец в это время, видимо, был на носу, потому что рядом его точно не было.

Я вцепился руками в корму, а лодка накренилась самым бортом к воде, встав едва ли не вертикально. С каждым рывком этой сети на себя она ещё и чуть-чуть зачерпывала

воду. У меня началась истерика, я стал тупо орать: «ААААА!» Было страшно. Плюс это всё сопровождалось унижением, когда рыбаки стали говорить: «Э, ты не мужик, что ли? Что у тебя за сын такой? Зачем ты его взял? Это что за размазня? Медуза какая-то...» То, что моему отцу за меня впихивают, было просто катастрофой. При этом я уже не мог остановиться — мне было плевать.

И вот это «плевать» во время истерики со мной по жизни идёт: когда у меня начинается какое-то такое состояние, мне реально плевать на то, как я выгляжу, что там говорят... Может, это с того момента и пошло? А может, просто особенность характера, которая тогда проявилась впервые. Это был стресс мощнейший. Не исключаю, что из-за этого у меня теперь с водой такие странные отношения. Меня к ней тянет и одновременно я её ненавижу.

Потом на берегу был ещё второй стресс. Я не помню уже, как мы доплыли, но, когда рыбаки начали выгружать эту рыбу и она лежала, хватая воздух ртом и умирая, — это был просто капец. Я стал швырять её обратно в воду. Один мужик подошёл, просто взял меня за плечо и гаркнул: «Иди отсюда!» С тех пор я не могу смотреть, как рыбу ловят, не понимаю этого. Представляю себе момент проникновения крючка вовнутрь, как ужасно само это ощущение, а потом она ещё и умирает медленно...

«НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ У МЕНЯ ВСЕ ПЕСНИ НЕ ПРО РЫБУ»

Есть ещё более раннее воспоминание, как мы сами рыбу ловили. В верховьях реки Олы нерестилась то ли кета, то ли горбуша — какая-то из красных рыб северных. Она шла из Охотского моря до какого-то места, чтобы там отложить икру. И где-то году в 1977-м был период, когда река состояла только из спин рыб, которые лезли вверх по течению, перепрыгивая друг через друга, и лишь между

Река Ола.

*Сваи от того
самого моста,
под которым
я когда-
то ловил
руками рыбу,
2022 год*

ними как-то плескалась вода. Как будто в ванну накидали килограммов сто рыбы и она пытается найти там место.

Мы просто в сапогах резиновых заходили с пацанами в воду, хватали любую рыбку, которая нам понравилась, швыряли на берег и смотрели: есть икра или нет. Если есть, то брали домой. Это было, видимо, до той истории с выходом в море, потому что после я уже точно не мог смотреть, как рыба на берегу валяется.

Вообще, это было запрещено, но кто там особо будет следить за пацанами? Ты просто берёшь домой десять больших рыбин сантиметров пятьдесят длиной, а в них ещё икры... Мама ругалась:

— Опять ты рыбу притащил?! Что с ней делать теперь?

— Можно засолить, там икра...

— Да кому нужна эта икра?!

Юлия Ивановна, мама Саши:

Была история такая на севере. Рыба на нерест идёт по реке спина к спине, с моста смотришь — просто тьма этой рыбы. А у нас ещё по полтора рубля продавали её на улице — выбирай любую: хочешь — с икрой, хочешь — без икры. Мы бочками солили рыбу и трёхлитровыми банками — икру. И когда ты её постоянно разделяешь, а ещё ведь и работаешь, то это вот так надоедает! Я уже даже не помню, как он рыбу домой приносил, потому что мы икрой были завалены просто. Рыба эта мне там настолько надоела, что я её терпеть не могу с тех пор.

Однажды, придя домой, я увидел треть ванны красной икры — это отцу кто-то за что-то напечатанное в газете подарил, наверное, — элита была, я ж говорю... Мама потом её во дворе развешивала в марлевых мешочках — сушила или вялила, я не знаю, как это называется. У нас был свой дом в центре посёлка с небольшим огородом. И вот весь он был в верёвках, на которых висела эта икра.

Не знаю, почему у меня все песни не про рыбу.

Юлия Ивановна, мама Саши:

Это он немножечко преувеличил, я такого не помню, хотя, может, и было. Муж был очень эрудированный человек. И если из ЦК партии, например, к первому секретарю райкома приезжал народ на рыбалку, на охоту или ещё куда, кто-то должен был их развлекать. Мишу приглашали обязательно. Секретарь райкома говорил: «Михаил Александрович, вы должны с ними поехать туда-то». А потом куда всю эту рыбу девать, которую они наловят? Вот и рассовывали её... Привозил домой, конечно.

Икру мы солили, промывали её в солёной воде. Потом, чтобы стекло с неё всё, действительно в марлях развешивали. Вот ведь, как ему это запомнилось!

6000 КНИГ И ИЗБИЕНИЕ В ДЕТСКОМ САДИКЕ

Я был довольно умным и начитанным мальчиком. У моего отца была библиотека на 6000 книг — больше поселковой. У нас дома были все книги Советского Союза, которые только издавались. Магадан тогда вообще был в привилегированном положении в плане снабжения — Колыма, золотые прииски... Поэтому туда и книги присылали такие, которых в Москве было не достать. А отец мой, поскольку один был такой крутой в посёлке, к этим книгам имел первостепенный доступ. Только что-то привезут, новый том из серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных

1 сентября
1979-го, пер-
воклассник

людей»), например, — Наполеона какого-нибудь, — он тут же себе его отхватывает. Деньги были.

Кобо Абэ и Курта Воннегута я читал, когда мне было лет 12. Просто стоит книжка, смешное имя автора — я беру. Мне отец ничего не советовал, я просто начинал читать, и засасывало. Или не засасывало.

Я помню «Беги, кролик, беги» Джона Апдайка (оригинальное название — «Кролик, беги»/Rabbit, Run. — Прим. авт.) — кстати, есть такая песня у Zero People. Она никак не связана с сюжетом книги, но название именно

ДО ZERO PEOPLE. Саша Красовицкий

по ней. Когда отец увидел, что я лет в 11 читаю Апдайка, он посмотрел на меня и сказал:

— Ты у меня вундеркинд, что ли?! Нравится?

— Ну, как-то скучно...

— Ничего себе скучно, до сотой страницы дошёл!

Соответственно, я немного выделялся своим интеллектом, особенно на поселковом уровне. И характер у меня был довольно энергичный. Поэтому, думаю, нарывался я только так. Помню, как меня всей группой садика — это детишек десять — начали мочить в снегу. Ну как дети бьют — несерьёзно, но очень унизительно, валяют. Наверное, за что-то конкретное. Не знаю, что я мог сделать. Я вообще не помню ни одного случая, чтобы я что-то натворил, помню только последствия. Я, видимо, не считал себя виноватым ни в чём.

Потом, помню, уже в магаданской школе были всякие эксцессы. При агрессии в мой адрес я никогда не понимал причины. Так до сих пор и не вскрыл этого и, честно говоря, не хочу вскрывать. То есть я понимаю, что на пустом месте не бывает такого, чтобы вся группа садика на тебя ополчилась. Но мне потом не втыкал за это никто из взрослых точно. До родителей наверняка донесли бы, если бы там было что-то серьёзное, а они бы это точно так не оставили. Но ничего не произошло, и я сделал вывод, что, значит, это были какие-то внутренние детские разборки, в которых я, видимо, был не очень адекватен, раз так получал.

Дальше у меня с этими же ребятами никаких проблем не было. Мы же все вместе переходили из садика в школу. То есть я не был таким уж хроническим говнюком. Помню, что потом у меня были отличные отношения со всеми в классе. Переехав в Магадан, я периодически возвращался на Олу, потому что у меня там остался единственный друг детства, и я приезжал к нему в гости. И когда мы встречали на улице кого-то из уже бывших моих одноклассников, все реагировали в духе: «Ооо, Саша! Чё как там в Магадане?!» То есть всё было мило весьма.

*Школа
в посёлке
Ола. Здесь
мы с сестрой
учились,
2022 год*

«НУ ЧТО, ЭТО КУЦ?»

Был ещё один странный случай из поселковой истории. Мне было лет семь-восемь, когда я прочитал книжку про великого советского легкоатлета Куца — бегуна на длинные дистанции (5000, 10 000 метров), олимпийского чемпиона. У него была очень сложная судьба — с травмами и прочим.

Помню, предложил Диме Гуляеву, своему приятелю из класса, побегать по площади Ленина. В посёлке Ола вокруг памятника есть такая квадратная дорожка, по которой можно бегать, хотя она асфальтовая и не для этого предназначена.

— Давай, — говорю, — покажу тебе, как бегал великий олимпийский чемпион Куц!

— Кто?

— Куц! В шестидесятых годах. Сейчас увидишь, как он у всех выигрывал! У него был крутой способ, с помощью которого я точно быстрее тебя пробегу!

— А сколько бежим?